

В. М.
ДОРОШЕВИЧ

Избранное

Влас Михайлович Дорошевич

Поцелуй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=655265

:

Аннотация

«Герцог Руджиеро устал на охоте. День выдался счастливый.

Не успевал герцог убить одну серну, как прямо из-под ног его лошади вылетала другая.

Герцог несся за ней, и едва успевал спустить меткую стрелу с тетивы, – как из кустов вылетала новая серна...»

Содержание

4

Влас Михайлович Дорошевич Поцелуй (Сицилийская легенда)¹

* * *

Герцог Руджиеро устал на охоте. День выдался счастли-
вый.

Не успевал герцог убить одну серну, как прямо из-под ног
его лошади вылетала другая.

Герцог несся за ней, и едва успевал спустить меткую стре-
лу с тетивы, – как из кустов вылетала новая серна. Серны,
как молнии, мчались там, здесь, тут. Солнце светило то впе-
реди Руджиеро, то позади, то с правого бока, то слева.

В конце гонцов, Руджиеро заблудился, – и когда оглянул-
ся, солнце тонуло уж в море. Словно насмерть раненный,
день умирал, – и его густой кровью был залит закат.

Руджиеро остановился под большим, развесистым дере-
вом, расседлал и стреножил коня, – дал обет завтра, утром,
помолиться мадонне вдвое дольше, положил под голову сед-
ло и, усталый, лег под деревом. В это время свежий ветерок,

который всегда бежит по земле от заката, зашелестел в листьях дерева, – и дерево сказала Руджиеро:

– Спокойной ночи, милый рыцарь!

– С нами святая Розалия, святая Агата, святая Катерина! – вскочил Руджиеро. – Кто тут говорит?

Он обошел дерево кругом, – никого, – положил под голову седло и лег.

А дерево сказала:

– Пусть хорошие сны тебе предвещают счастье наяву!

Руджиеро вскочил.

– Кто говорит тут?

Но дерево стояло перед ним молчаливое, только шелестя листьями.

Руджиеро вынул кинжал и ударил в дерево. Словно масло, разрезал кинжал кору. Дерево молчало. Но вот кинжал, видно, тронул древесину.

Стон вырвался у дерева, так что Руджиеро отдернул руку: на конце кинжала теплилась капля крови.

– Будь проклята вся нечистая сила! – крикнул Руджиеро и обнажил свой святой меч.

Этот меч достался Руджиеро от отца. Задумав идти на освобождение гроба господня, отец Руджиеро призвал капеллана, при нем обнажил свой меч и дал страшную клятву не класть меча в ножны, пока святой гроб не будет освобожден. Когда Иерусалим был освобожден из рук неверных, – отец Руджиеро, стоя на коленях в белой рубашке перед гро-

бом господним, вложил меч в ножны и сказал:

– Я выполнил, господи, клятву. Теперь даю другую. Отныне этот меч будет вынут из ножен только во славу господню!

На смертном одре, передавая Руджиеро свой меч в ножнах, отец сказал:

– Дай клятву, что ты обнажишь этот святой меч только во славу господню.

И Руджиеро сказал:

– Аминь.

Руджиеро обнажил теперь меч и воскликнул:

– Во славу господню!

И изо всей силы ударил мечом по дереву. Страшным криком закричало дерево. Руджиеро рубил. Словно клочья теплого, еще трепещущего мяса, летели щепки.

Кровь лилась из дерева и брызгами летела кругом. Дерево кричало, стонало. И чем больше оно вопило, чем сильнее лилась кровь, – тем больше распался Руджиеро и рубил святым мечом. Наконец, дерево расколосось, и из него вышла в богатом, но странном уборе девушка такой красоты, что Руджиеро отступил, и святой меч бессильно опустился у него в руке.

– Не бойся меня! – сказала девушка, улыбаясь, как ангел. – Я такой же человек, как и ты!

– Я никого и ничего не боюсь! – пробормотал смущенный Руджиеро.

Девушка, любуясь, смотрела на него, на зелень, на траву,

на деревья, на небо.

– Триста лет я не видала всего этого! – воскликнула она, всплеснув руками.

– Триста?! – с изумлением воскликнул Руджиеро. – Да на вид тебе не больше пятнадцати!

Девушка кивнула головой:

– Именно в этом возрасте меня и заточил демон в дерево за то, что я не хотела, забывши бога, отдаться ему. Он похитил меня накануне свадьбы.

– У тебя был жених?

Руджиеро показалось это неприятным. Девушка улыбнулась презрительной улыбкой:

– Он знал, что я заключена в дереве. Он слышал стоны. Но боялся даже подойти. Он умер, женившись на другой. Нет, я не люблю моего жениха.

– Кто же ты, и как тебя зовут? – спросил Руджиеро.

– Меня зовут принцессой Розамундой, – и моему отцу принадлежал тот замок, в котором живешь теперь ты, Руджиеро. И земли, которыми владеешь ты, должны были идти в приданое за мной. Тому минуло триста лет! – с грустью закончила она.

Руджиеро стоял смущенный.

– И такая неправда была на земле триста лет.

– Под этим деревом часто люди ложились отдыхать, – но, лишь услышав, что дерево говорит, кидались прочь, куда глаза глядят! Пока не пришел ты, храбрый витязь, со святым

мечом.

– Как же нам устроиться на ночлег? – с недоумением оглянулся Руджиеро.

– Если хочешь, поедем, – она улыбнулась, – в наш замок. Я отлично помню дорогу. Я только о ней и думала триста лет!

Руджиеро снова оседлал коня, посадил Розамунду впереди себя, и они поехали в замок.

Еще подсаживая принцессу на коня, Руджиеро подумал: «А она-таки тяжеленька для такой девушки!» Теперь же, поддерживая Розамунду на седле, он думал: «Словно из железа слита. Не то, что наши женщины, – человеку дотронуться страшно! Вот это была бы жена рыцарю!»

Три дня ходил мрачный по замку Руджиеро, а на четвертый еще мрачнее пришел к Розамунде и сказал:

– Мне чужого, видит господь, не нужно. Но и уходить из этого замка, где я родился, где умер мой отец, мне было бы тоже тяжело. Что сказала бы ты, принцесса, если бы тебя стали звать герцогиней Руджиеро?

Принцесса улыбнулась:

– Не успела я освободиться из дерева, а меня хотят заточить в каменную башню. Впрочем, на этот раз я сама готова молить бога, чтоб просидеть здесь триста лет.

И взглянула на Руджиеро так, что кровь прилила юноше к голове.

Он позвал своего капеллана и сказал:

– Приготовь, отец, на завтра капеллу. Да укрась ее получ-

ше: ты будешь венчать меня с принцессой Розамундой.

И назавтра, в присутствии всех вассалов, Руджиеро и Розамунда стали мужем и женой пред господом богом и добрыми людьми.

Ног под собой не чувствовал от радости Руджиеро, когда шел из церкви.

Ног под собой не чувствовала от радости Розамунда, когда шла с Руджиеро из церкви.

Но Руджиеро показалось, что кто-то шепчет ему на ухо. Руджиеро прислушался.

– А ведь жена-то твоя из дерева! – сказал голос и засмеялся.

– Экую невидаль сообщает мне сатана! Кому ж как не ему? Будто я сам не знаю! – подумал Руджиеро.

– А ведь жена у тебя из дерева! – шепнул ему голос в другое ухо и захохотал.

И от этого хохота холодком повеяло в сердце Руджиеро. Когда они остались одни, – Руджиеро взял свою жену за плечо:

– Теперь ты...

И остановился, словно онемел. Плечо было деревянное. Он схватил ее руку. Сквозь платье чувствовалось дерево. Руджиеро схватился за голову.

– Будь ты проклята, чертова колдунья! – завопил он. – Почему ты раньше не сказала мне, что ты деревянная?!

И он схватился за меч.

– Не убивай меня! – в ужасе, в слезах закричала Розамунда и упала на колени.

И стук дерева по каменным плитам заставил от ужаса и отвращения задрожать Руджиеро.

– Не убивай меня! Какая же я колдунья, если я принимала благословение святого отца! А почему я не сказала тебе раньше? Звезды по ночам, когда я сидела у окна, спорили с моими слезами: их больше или слез моих. И были побеждены. Почему я не сказала тебе? Разве моя вина, что я с первого взгляда так полюбила тебя? Не убивай меня! Ты сильный и мудрый! Разрушь чары злого духа!

Руджиеро приказал сложить во дворе замка костер и собрать всех старух из своих владений.

– Слушайте вы, ведьмы! – сказал он. – Видите, что это?

– Костер, как будто! – дрожа, отвечали старухи.

– Вы все, я знаю, колдуньи. Все, сколько здесь есть! Так вот что. Моя жена испорчена. Это все штуки дьявола. Вы ему служите, – вы и расколдуете мою жену. Слушайте: или через три дня моя жена будет, как все женщины, или я вас сожгу во славу божию!

Три ночи подряд колдовали старухи. Варили снадобье, пели, плясали голые. Творили бесчинства. С ужасом и отвращением сидела среди них Розамунда. В ужасе дрожал весь замок, когда исступленные старухи выли, призывая сатану.

А на четвертый день, утром, на дворе замка ярко вспыхнул костер, и старухи с воем, в корчах, сгорели в пламени во

славу господню: Розамунда оставалась, как была – деревянной. Руджиеро призвал к себе своего капеллана:

– Большую ошибку я сделал в отчаянии, что обратился к помощи дьявола. Хорошо, что поправил ошибку тем, что сжег ведьм на костре. Вот что, отец. Созови со всей Сицилии всех отцов, всех братьев-монахов, известных праведной жизнью я тем, что они угодны господу. Изгоните дьявола из моей жены.

Капеллан разослал гонцов по всей Сицилии. И в замок начали стекаться монахи, патеры из всех церквей, из всех монастырей.

Шестьдесят патеров отслужили торжественную мессу. В хоре пело восемьдесят монахов.

И они принялись заклинать Розамунду, изгоняя из нее беса. Самые страшные заклятия говорили они вплоть до самого вечера.

Даже бесстрашный Руджиеро дрожал от ужаса, глядя на это. Розамунда в ужасе, с криками, каталась по полу. И слышался стук дерева по каменным плитам. Измученные патеры и монахи замолчали, переглянулись, – и самый старший из них, отшельник, седой, как лунь, столетний, сказал:

– Больше мы не знаем заклинаний. Больше заклинаний нет!

И они молча пошли из замка.

В горе, в отчаянье вернулись Руджиеро и Розамунда в замок. Она сидела и рыдала. Он стоял у окна.

Выла весна. Цвели апельсиновые деревья. Словно завороченный стоял сад, облитый лунным светом. На ветку около самого окна прилетел соловей и рассыпался трелью. Сердце перевернулось у Руджиеро.

– Все зовет к любви. А мы?.. Ни на небе, ни в аду нет средства сделать нас счастливыми.

И Руджиеро глядел на благоухающую, цветущую землю.

– А на земле? – щелкнул вдруг соловей.

Руджиеро с ужасом взглянул на него.

– Мне послышалось.

И он продолжал думать:

«Ни огонь, ни вода, ничто не может вернуть Розамунде человеческую прелесть».

– А поцелуй? – щелкнул соловей.

Закатился трелью, словно расхохотался, и упорхнул, прежде чем Руджиеро успел опомниться.

Руджиеро повернулся и подошел к плачущей Розамунде, с дрожью взял ее за твердые, деревянные плечи. Она с глубоким страданием взглянула ему в глаза. Он нагнулся и долгим, долгим поцелуем поцеловал ее в уста. И вдруг почувствовал он сквозь платье, что под его руками затрепетало мягкое, теплое, человеческое тело.

– Розамунда! – радостно вскрикнул он и безумно стал целовать губы, теплые, влажные, открытые. – Розамунда!

Она трепетала всем телом, гибким, мягким и нежным. И они смеялись от радости, как дети.

– Давно бы ты поступил так! – говорила Розамунда, отвечая на поцелуи Руджиеро.

– Но почему ж ты мне не сказала?

– Я не знала!

А соловей, где-то в пахучих ветвях кудрявого апельсинного дерева, закатывался трелью за трелью, – словно умирал от хохота над недогадливостью людской. А луна лила свой яркий свет, и цветы благоухали. И казалось, что это благоухает лунный свет. Так была исцелена принцесса Розамунда, герцогиня Руджиеро.

Я записал эту легенду так, как ее только что слышал, так, как она выросла вместе с другими цветами на этом прекрасном острове, под голубым небом и горячим солнцем.